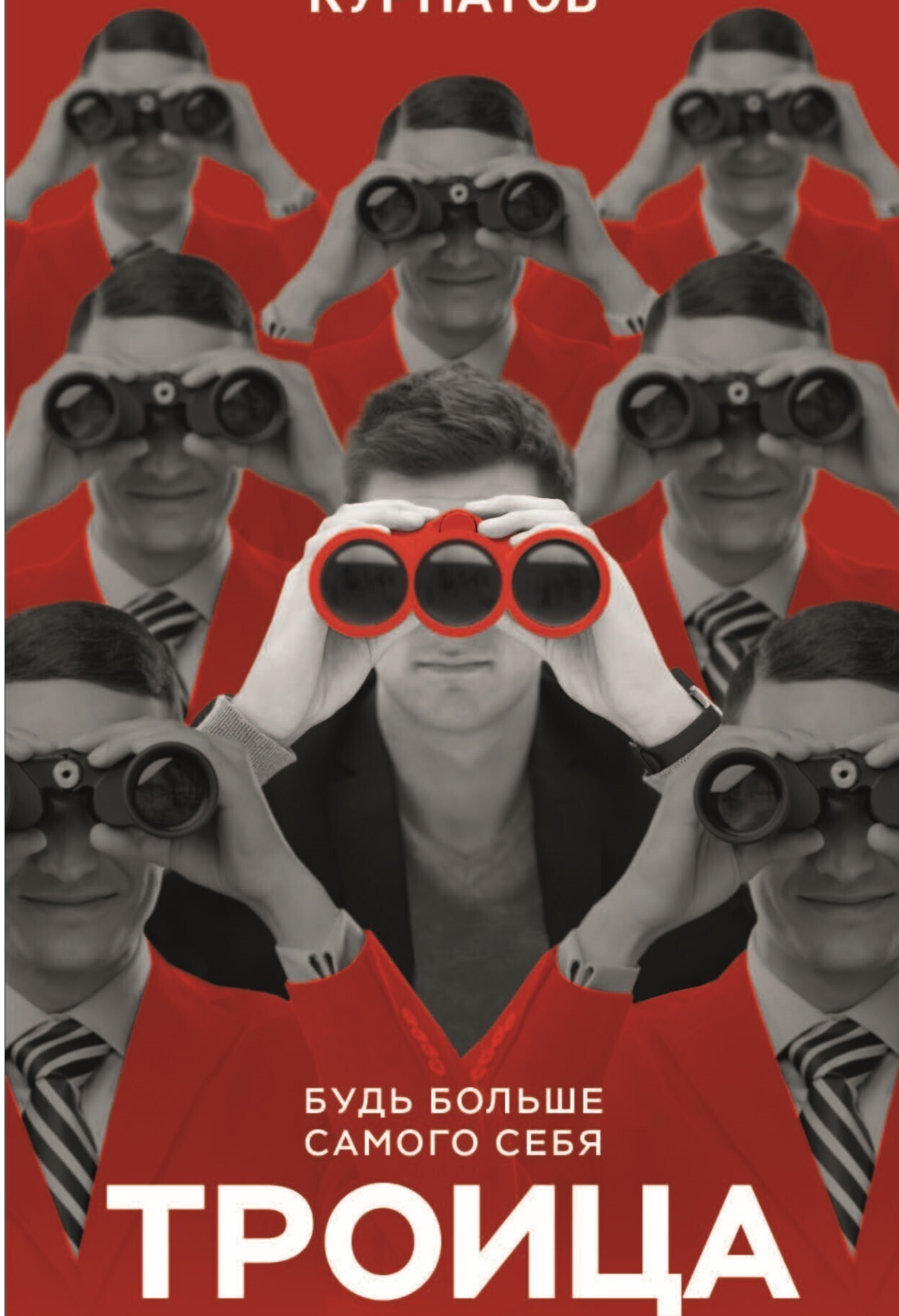

АНДРЕЙ
КУРПАТОВ

БУДЬ БОЛЬШЕ
САМОГО СЕБЯ

ТРОИЦА

КНИГА ДЛЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА

АКАДЕМИЯ
СМЫСЛА

Академия смысла

Андрей Курпатов

Троица. Будь больше самого себя

«Курпатов А.В.»

2018

УДК 159.922.1
ББК 88.53

Курпатов А. В.

Троица. Будь больше самого себя / А. В. Курпатов — «Курпатов А.В.», 2018 — (Академия смысла)

ISBN 978-5-906902-92-4

Нельзя развить интеллект, если вы не знаете, какой он у вас от природы. Современная наука о мозге совершила настоящий прорыв: теперь мы знаем, что есть три типа людей, которые живут в трёх разных мирах и используют три разные интеллектуальные стратегии. На какой тип поведения запрограммирована ваша психика – «шизоидный», «истероидный» или «невротический»? Каким способом вы думаете: как «конструктор», как «рефлектор» или как «центрист»? Эта книга для тех, кто хочет узнать себя. Она для тех, кто хочет понять других. Но и это не главное... «Троица» – это инструмент развития мышления. Научитесь объединять интеллектуальные стратегии трех типов и станьте больше самих себя!

УДК 159.922.1

ББК 88.53

ISBN 978-5-906902-92-4

© Курпатов А. В., 2018

© Курпатов А.В., 2018

Содержание

Вместо введения	9
Уроки безумия	13
Специальный мозг	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андрей Курпатов

Троица. Будь больше самого себя!

© Курпатов А. В., 2018

© ООО «Дом Печати Издательства Книготорговли “Капитал”», 2018

* * *

*Эту книгу я с благодарностью посвящаю всем менторам
«Академии смысла».*

*Мои суждения уже сами обрисовывают способ, каким я составляю
суждение, изображают характер суждения.*

ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙН

В этой книге я расскажу про три типа людей: «центристов», «конструкторов» и «рефлекторов». Можно даже сказать, про три разных вида людей.

Представьте себе каких-нибудь приматов – шимпанзе, например, орангутанов и горилл. Они крайне схожи друг с другом, но это три разных биологических вида – они живут по-разному, действуют по-разному, а потому и думают как-то по-своему.

Так и люди, вроде бы и похожи внешне, а на деле: «три мира – три системы».

Да, кстати, человеческих миров тоже три. **Ведь миры, в которых мы с вами живём, создаются нашим мозгом, а он у этих трёх типов людей, как вы, наверное, уже догадываетесь, разный** – по-разному устроенный.

Если всё это пока звучит для вас дико, подумайте о том, как часто вы сталкиваетесь с ситуациями, когда другие люди ведут себя, скажем так, странно, непонятно, неправильно, неадекватно, глупо и т. д.

Вроде бы вы с ними и разговариваете, и даже договариваетесь о чём-то, а потом – бац, и словно не было этого разговора! Всё этот человек делает как-то не так – по-своему интерпретирует, объясняет, действует.

Конечно, мы всегда можем найти этому «разумное объяснение»: не с той ноги встал, семь пятниц на неделе, вожжа под хвост попала, в каждой избушке свои погремушки, у каждого своя правда, в чужой монастырь со своим уставом не лезь, сытый голодному не товарищ, чужая душа – потёмки...

Но то, что в массовом сознании сформировалось такое невероятное количество «объяснительных моделей» чужой неадекватности, – это, как вы понимаете, не просто так, не от хорошей жизни. Что-то за всем этим скрывается, причём что-то фундаментальное.

Но если отличия так существенны и серьёзны, то почему этого нашего «видового разнообразия» никто до сих пор не замечал? Проблема, как водится, в нашем языке.

Вот я сейчас напишу слово – «стул». Написал. Теперь в голове у каждого из нас возникает свой образ. Но кто какой стул себе представил? Я не знаю, вы не знаете, но все приветливо кивают друг другу головой – понятно же, стул!

При этом, один вообразил себе Железный трон из «Игры престолов», другой – пыточное кресло инквизитора, третий – стул, на котором он сейчас сидит, а четвёртый – табурет, с которого он в детстве стихи читал.

Вроде бы и говорили «об одном и том же», и даже поняли друг друга. Но речь-то, на самом деле, вели о разном. Причём каждый свои выводы сделал, о своём подумал.

А как такое заметишь, если «стул» – он и есть «стул»? Никак. И это с элементарным «стулом» такая петрушка, а что уж говорить о вещах чуть, так скажем, более абстрактных?

Нам только кажется, что все люди одинаково понимают слова «ответственность», «искренность», «логичность», «внимание», «отношение», «любовь», «уважение», «благодарность»...

Мы в иллюзии. Есть три разных, предельно отличных друг от друга способа понимать эти – и другие – вещи.

Честно признаться, я и сам достаточно долго блуждал в потёмках. Очевидно, что проблемы в коммуникации между людьми существуют, но почему даже при взаимном желании договориться, понять друг друга это, мягко говоря, не всегда получается?

Конечно, мне помогло то, что я по образованию врач-психиатр, а нас последовательно обучают тому, что в головах у разных людей творится чёрт знает что, и не надо этому удивляться. О том, как это видят психиатры, я расскажу с самого начала – во «Введении», но это ещё не ответ...

Дальше в ход пойдёт уже мой психотерапевтический опыт. Дело в том, что даже банальные невроты, которые вроде бы у всех людей одинаковы – панические атаки, например, зависимости и депрессии, – психотерапевтически лечатся по-разному. Как так?

Оказывается, что за внешним однообразием невротических симптомов, которым мы все, в той или иной степени, подвержены, скрываются три разные силы. Всё дело в том, какая именно ветвь инстинкта самосохранения у человека пострадала – индивидуальная, групповая или половая.

Жизнь, власть и секс – вот эволюционные доминанты, вокруг которых крутится наше с вами существование.

Если что-то травмировало ваше чувство физической безопасности – одна история. Если отношения с другими людьми у вас не ладятся – другая. Если же проблема и вовсе скрывается в «сексуальных комплексах» – третья.

Понять истинные мотивы наших действий – это дорогого стоит! Поэтому вся первая глава посвящена тому, почему мы ведём себя именно так, как мы себя ведём; чувствуем то, что мы чувствуем; думаем так, как мы думаем.

В основе всего этого разнообразия – специфическое проявление наших базовых инстинктов; их, так сказать, игра. Но можно ли увидеть эту «игру» на нейрофизиологическом уровне? Да, можно. Каково это, мы узнаем из второй главы, которая называется «Три базовых типа».

Выясняется, что вследствие своего нейрофизиологического устройства мы с вами мыслим по-разному – тремя разными способами. О том, как устроена механика нашего мышления, специфичная для каждого из трёх «видов людей», мы узнаем уже из третьей главы.

Наконец, когда мы убедимся в том, что существуют совсем разные люди, которые живут в различных мирах, организованных разными принципами, мы сформулируем правила, по которым мозг разных интеллектуальных типов создаёт их реальность.

Все три линии повествования – психиатрия, нейрофизиология и методология мышления – сойдутся в четвёртой главе. Это позволит нам понять, как мы – в зависимости от особенностей нашего типа мышления – строим карты реальности, как принимаем решения, как воспринимаем те или иные ситуации.

В результате, мы сможем лучше понять себя, а также почему другие люди ведут себя так, как они себя ведут. Мы узнаем, как с ними взаимодействовать, чтобы это было всем на пользу. Это, я полагаю, важное и весьма полезное знание, которое способно сделать нашу жизнь лучше.

Но, честно говоря, не ради него я написал эту книгу. Главный её смысл и основная цель зашифрована в названии: «Троица. Будь больше самого себя!».

Если мы как следует разберёмся в том, каким образом три разных типа людей создают свои карты реальности, а затем сможем интегрировать это знание в свою интеллектуальную практику, то **мы, в результате, обретём навыки универсального и максимально эффективного мышления.**

А сложность и эффективность мышления – это то, без чего нам уже не обойтись в нашем «новом дивном мире», о котором я не устаю рассказывать, рисуя его будущность чёрными красками и предрекая Четвёртую мировую войну.

Да, мы прямиком шагаем в мир цифровой зависимости, информационной интоксикации и исчезающей социальности. Сейчас об этом уже в открытую говорят лучшие учёные мира. Но их голоса, понятное дело, тонут в шумном гуле и ропоте цифрозависимых лоботрясов.

Эволюция наш мозг к такому миру не готовила, оказавшись в нём, он, в буквальном смысле, слетает с катушек. Доступность калорий оборачивается, как вы знаете, повальным ожирением, а вот переизбыток информации – примитивизацией мышления и информационной псевдодебильностью.

Очень скоро всё наше социальное пространство безвозвратно расколется на умных и глупых. И каждому из нас предстоит сделать выбор, решить – где, в каком стане он окажется:

- будет ли он всю жизнь тупо пялиться в мелькающие на экране картинки и из состояния тупки переходить в перманентную тупость;
- или же, всё-таки, сможет сохранить свою человечность, которая, как известно, заключена в нашей разумности.

Когда-то мы сами себя называли *Homo sapiens*, но настало время, когда, именно благодаря развитию нашей цивилизации, мы рискуем бесславно вернуться в мир *Homo*, но уже без всякой приставки «разумный».

Как-то это глупо и недалёковидно, на мой взгляд. Впрочем, лень и беспечность – это, к сожалению, наше биологическое кредо. Но кредо – не приговор, поэтому я и думаю, что у нас есть шанс...

Тем же, кому это биологическое «кредо» дороже и приятнее интеллектуального труда, читать эту книгу совершенно бессмысленно. Не утруждайте себя. В книге я намеренно задираю планку и говорю о сложном – о том, что трудно представить, о том, что можно понять, только если ты продумал это и пережил.

Драматургия «Троицы» будет разворачиваться вокруг понятия «гениальности», которое мне самому не очень нравится. Но другого, к сожалению, в нашем лексиконе нет, а нужно обозначить тот интеллектуальный экстремум, который и задаёт пределы возможностей нашего мышления.

Так вышло, что мне посчастливилось лично знать многих по-настоящему выдающихся людей: кого-то консультировать, с кем-то просто общаться, с кем-то – дружить.

Но их таланты, их одарённость, их удивительный и особенный способ думать формировались ещё в прежнюю эпоху, естественным, так сказать, образом – в сложной и конкурентной социальной среде, с совершенно другим подходом к образованию и вообще – с другим отношением к жизни.

Сейчас этой среды больше нет, а та, что есть, не благоволит естественному возрастанию числа «гениев». Но, может быть, и пусть? Почему я так сокрушаюсь об этом? Признаюсь, причины мною движут сугубо декоративные: потому что «гении» прекрасны и без них очень скучно.

Вспоминая сейчас знаменитые кантовские вопросы – «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я могу надеяться?», я понимаю, что, **несмотря на все эти радикальные изменения среды, мозги-то у нас с вами, с биологической точки зрения, остались прежними.**

А следовательно, мы можем надеяться добиться от них максимума. При условии, конечно, что будем и дальше узнавать, что такое человек (его мозг), и сделаем то, что от нас

зависит, чтобы он – этот мозг – производил сложность, которую традиционно именовали в прежние времена «гениальностью».

Сейчас, когда мы открыли для себя тайны мозга, способы его работы, мы можем формировать одарённости, таланты, уникальное видение мира, потому что теперь мы знаем, как это работает. Именно этим знанием я и хочу поделиться с вами.

В конце концов, **мозг – это просто машина, инструмент, и если поставить его в нужные условия, он сделает то, что мы от него ждём.** Эта книга для тех, кто хочет стать больше самих себя.

Надеюсь, у вас это получится! Начинаем...

Вместо введения

Секрет гениальности

Великие психологи и те не могли понять, где кончается гениальность и начинается безумие.

САЛЬВАДОР ДАЛИ

Что такое «гениальность», какова её природа и существует ли она вообще? Всякий серьёзный учёный должен ответить на эти вопросы отрицательно.

Слишком уж субъективная это вещь – гений, гениальность... Как её объективизировать? Можно ли придумать какой-нибудь гениймометр мозга? Вряд ли.

Гениальный художник – это не тот, кто «идеально» рисует, а гениальный пианист – не тот, кто «идеально» жмёт на клавиши. Есть здесь что-то ещё, кроме данного профессионального навыка, что словами не опишешь, но от чего и зависит та самая «гениальность».

Нобелевские и Филдсовскую премии, Букеры, Оскары и прочие Пальмовые ветви выдают не за абстрактную гениальность, а за вполне конкретные достижения. Но разве гениальность – это какой-то конкретный результат? А сколько было гениев, которым не дали ни медальки, ни статуетки?

А можем ли мы, например, считать гениальным учёного, который сделал великое открытие случайно? В науке такое случается сплошь и рядом...

Да и успех в бизнесе, как свидетельствуют нобелевские лауреаты по экономике, может быть просто «слихой удачей» (как бы красиво она ни была обставлена).

Конечно, и такой учёный, и такой бизнесмен, скорее всего, большие работяги и труженики – под лежащий камень вода не течёт. Но делает ли подобное гениальное достижение самого человека – гением? Вряд ли.

Иными словами, нельзя оценить гениальность человека (если мы всё-таки допускаем, что она вообще существует), рассматривая лишь формальное качество того продукта, который он произвёл.

Гениальность – это, скорее, какое-то особенное видение.

Классический пример гения – Леонардо да Винчи. Но неужели кто-то и вправду думает, что Мона Лиза – это самая красивая картина в истории человечества?

При этом, самолёты Леонардо не летали, пушки не стреляли, а спродюсированные им маскарады и фейерверки мы уже никогда не увидим. Так в чём же тут гений, и можем ли мы его как-то «подтвердить»?

В каком-то смысле – да. Леонардо впервые в истории живописи создал ощущение объёмного пространства на художественном полотне. Он увидел и реализовал эту возможность. Это новое видение.

Пабло Пикассо – тоже эталонный пример гения. Но потому ли он гений, что рисовал прекрасные картины? Точно нет. Скорее, его гений заставлял публику испытывать шок.

Меняя стили во множестве своих знаменитых «периодов» – «голубой», «розовый», «африканский», – Пикассо создаёт кубизм, оригинальный сюрреализм и другие направления в живописи.

Его гений в способности увидеть реальность каким-то особым образом – так, как её не видят другие.

ЭТА СТРАННАЯ-СТРАННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Это сложно понять, но наше видение мира и мир как таковой – это две разные штуки. Теоретически мы, конечно, понимаем, что мир и наше восприятие мира – это не одно и то же. Но на деле мы этого не осознаём.

Мы, например, до сих пор считаем, что солнце встаёт на востоке и заходит на западе. А ведь правда в том, что это просто наш шарик крутится вокруг своей оси. Солнце не совершает в отношении него никаких телодвижений!

То есть, даже если необходимое знание у нас есть, мы всё равно живём в мире своих представлений, которые лишь отчасти согласуются с «объективными данными».

Например, мир вокруг нас кишит микроорганизмами: одни угрожают нашей жизни, а без других она была бы невозможна. Но часто ли мы вспоминаем об этом? Нет. А ведь эта «движуха», извините, происходит нон-стоп.

Мы свято уверены в том, что «пища переваривается у нас в животе», но на самом деле её, во-первых, переваривают те самые бактерии, и, во-вторых, они делают это не у нас внутри, а у нас снаружи!

Нам только кажется, что желудочно-кишечный тракт – это какая-то полость в нашем теле. В реальности это не так. Внутренняя среда нашего организма обтянута и выстлана эпителием – кожным, кишечным, бронхиальным, уретральным, вагинальным и т. д. И всё, что находится в просвете этих органов, на самом деле, располагается за действительными границами нашего тела.

Но мы, конечно, данного факта не осознаём и при этом прекрасно себя чувствуем!

Мы не можем представить относительность времени, а оно относительно. Смущает это нас? Нет. Мы не видим искривлённости пространства, а оно искривлено. Волнительно? Да не особо...

При всём желании, мы не можем вообразить то, что происходит на квантовом уровне. А физикам только и остаётся, что рассказывать нам анекдоты про полумёртвых котов, вибрирующие струны и квантовую запутанность.

Приходим ли мы от этих штук в ужас, как завещал великий Нильс Бор? Нет. Напротив, про шрёдингеровских котов, например, нам даже забавно.

Не лучшим образом обстоят дела в этом смысле и с нашей психикой. Благодаря нейрофизиологии и социальной психологии мы теперь знаем: всё, что мы думаем о самих себе – это лишь ворох глупых фантазий и пренаивнейших заблуждений.

На самом деле, мы не принимаем сознательных решений (это делает за нас наш собственный мозг). Никакой личности (или «я») у нас нет. Любые наши мысли – это лишь набор условных рефлексов, а наши действительные потребности сводятся к весьма примитивным вещам...

И ведь это картинка лишь в первом, так сказать, приближении, дальше – хуже.

Умом как-то это всё, наверное, можно понять, но всё это неочевидно.

Должны были появиться гении – Коперники, Ньютоны, Левенгуки, Дарвины, Эйнштейны, Павловы, Лоренцы и Уотсоны, – которые увидели бы то, что в упор не видели все остальные: неочевидную, спрятанную от наших глаз действительную реальность.

Реальность, с которой мы имеем дело, сложна и прячется под бесконечным количеством масок. **Но большинство из нас видят мир согласно тем шаблонам, которые мы усвоили из культуры, и лишь единицы – по каким-то причинам – способны на оригинальный взгляд.**

Как им это удаётся?.. Они какие-то особо «глазастые»? Нет, глаза в этом деле не помогут. Все неочевидные вещи были усмотрены их умом – внутренним взором. А чем обусловлен последний? Нашим мозгом.

Мозг человека – это устройство по созданию карт реальности. При этом, у каждого из нас своя голова на плечах, поэтому один строит одни карты реальности, а другой – другие.

Но можем ли мы как-то усовершенствовать свой мозг? Можно ли увидеть реальность как-то иначе, в большем объёме – более красивой и сложной, нежели учат в средней школе? Можно ли воспитать в себе это особое видение?

Принято считать, что мир делится на тех самых «гениев» и всех остальных – «обычных людей». Мол, у «гениев» какие-то особенные мозги и бессмысленно с ними тягаться. Но так ли это?

На самом деле, наши мозги – лишь инструмент, который нуждается в правильной настройке. **Даже скрипка Страдивари, не настроенная должным образом, будет звучать не лучше детской балалайки.**

Думать же, что ваша голова – это лишь детская балалайка и что рассчитывать на большее вам не стоит – по меньшей мере, странно, и вот, что я расскажу вам, если вы всё-таки сильно сомневаетесь в возможностях собственного мозга...

Мозг других животных отличается от мозга человека, и реальность для них тоже выглядит иначе. Причём речь идёт не только о физиологии восприятия¹, но и о куда более тонких отличиях.

Знаменитый американский приматолог Крис Мартин разработал технологию, позволяющую людям и шимпанзе соревноваться друг с другом в игре наподобие «камень-ножницы-бумага» (основная цель этой игры, как вы помните, в том, чтобы предсказывать поведение противника).

Догадываетесь, к каким результатам привели последующие эксперименты?..

Выяснилось, что шимпанзе – эти никчёмные, казалось бы, мартышки – разбивают человека в пух и прах! Они способны лучше предсказывать наши выборы, основываясь на наших предыдущих выборах, нежели мы предсказываем выбор шимпанзе, имея аналогичные данные на руках.

Получается, что в сравнении с людьми, шимпанзе самые настоящие гении предсказаний человеческого поведения! Как такое может быть?!

С нейрофизиологической точки зрения обезьяньи мозги не так хороши как наши – и объём меньше, и плотность нейронов ниже, а потому их эффективность в данном тесте нельзя объяснить качеством «железа».

Дело в «программном обеспечении»: шимпанзе как-то иначе картируют реальность на сервере меньшей мощности, чем наш мозг.

Это «программное обеспечение» позволяет шимпанзе улавливать в реальности что-то такое, чего мы в ней не замечаем. Вот оно – другое видение!

¹ Понятно, что наш мир непохож на мир, например, летучей мыши, пользующейся для его восприятия эхолокацией.

Дело не в каких-то «секретных» знаниях обезьян о человеческой природе, а в самом том способе, которым их мозг обрабатывает информацию.

Вдумайтесь в это: обезьяньи мозги могут быть эффективнее наших, хотя вроде бы это мы – «вершина эволюции». И всё дело в настройках мозга! Это они определяют наш индивидуальный способ видения реальности.

Мозг – это живой организм, он постоянно меняется (к сожалению, правда, не всегда в лучшую сторону). Вопрос лишь в том, как взять эти изменения под контроль, как направить их туда, куда нам нужно?

Гениальность – это лишь особое видение, и да, кому-то, по случайности, удалось его развить. А кому-то – по ещё большей случайности – удалось даже капитализировать результаты этой развитости своего мозга.

Но значит ли это, что другим людям уже не на что рассчитывать? Я так не думаю. Наука позволяет нам полагаться не на случайности, а на закономерности, и учит тому, как использовать их для достижения поставленных целей.

Что ж, сейчас попробуем со всем этим разобраться. Но предупреждаю: будьте готовы принять в себе «лёгкое безумие»...

Уроки безумия

Вопрос, который ставит меня в тупик: сумасшедший я или все вокруг меня?

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН

В 1863 году известный итальянский психиатр Чезаре Ломброзо издал свою ставшую впоследствии знаменитой книгу «Гениальность и помешательство».

Книга получилась по-настоящему увлекательной, имела большой успех у публики и была переведена на все возможные европейские языки. Да, с точки зрения современной науки, изложенные в ней идеи не выдерживают никакой критики, но дело не в этом.

Главное тут другое: Ломброзо выразил в своей книге то странное ощущение, которое возникает у нас, когда мы встречаемся с гением (или, если вас, как и меня, не устраивает этот термин, то – «с чрезвычайно одарённым человеком»).

Гений действительно производит странное ощущение «лёгкого безумия».

Есть, конечно, признанные гении, которые действительно сошли с ума – такие, как Джонатан Свифт, Фридрих Ницше, Винсент Ван Гог, Курт Гёдель, Джон Нэш и многие другие. Но речь сейчас не о них, это лишь частные случаи.

Речь именно об «ощущении безумия», а не о сумасшествии как таковом. Об ощущении какой-то странности, непонятности, иногда неестественности, неадекватности, избыточности, сложности, неудобства, необъяснимой энергичности, нервности, напряжения... В общем, словами не описать.

Вот вам один пример из моего личного опыта. Всемирно известный дирижёр, фантастический мастер своего дела прилетает ночью в Петербург из другой страны, где он, накануне вечером, давал концерт.

Сразу по прилёту он проводит репетицию с симфоническим оркестром и оперной труппой, потом безостановочно встречается с множеством гостей по своим рабочим вопросам, а вечером иступлённо и блистательно дирижирует четырёхчасовым спектаклем.

Теперь давайте вообразим, что бы сделал «любой нормальный человек» на его месте после такого творческого блицкрига? Ну, наверное (тем более, с учётом уже достаточно почтенного возраста), отправился бы спать. Причём, проспал бы сутки и без задних ног.

Но нет, наш герой собирает два десятка гостей и проводит с ними пять часов за общим столом в ресторане – ест, пьёт, общается. Гости держатся из последних сил, к трём часам ночи именитые участники ужина – чередой, но очень деликатно – покидают непрекращающуюся трапезу (у них есть такая привилегия).

Светаёт. И вдруг я вижу, как движения нашего героя становятся какими-то замедленными, он весь словно превращается в восковую фигуру... Ещё миг, и он вскидывает голову: «Ну вот теперь, кажется, можно ложиться спать!»

Дальше ещё полчаса прощаний, объятий и т. д., пока, наконец, гениальный дирижёр не оказывается в машине. Утром, которое, впрочем, уже наступило, у него самолет, а вечером – спектакль в другой стране...

Никакой психиатрии тут нет – заявляю как врач-психиатр. Но что-то странное и завораживающее в этой невероятной энергичности, внутреннем напряжении, страсти к деятельности, согласиться, есть.

Впрочем, не будем сбрасывать со счетов мою любимую психиатрию. В конце концов, она не раз оказывалась хорошим проводником к пониманию сути человеческой природы.

ПСИХИАТРИЯ КАК ОНА ЕСТЬ...

Вообще говоря, психиатрия делится на «большую», к которой относится всё классическое безумие (шизофрения и другие психозы), и «малую», которая занимается расстройствами, как их называют, «пограничного спектра».

Поскольку одним из основных средств лечения в «малой психиатрии» является психотерапия, я, понятное дело, именно на этих «пограничных расстройствах» всю жизнь и специализировался.

Почему мы называем их «пограничными»? Попробуйте представить себе это таким образом. У нас есть континуум всех возможных психических состояний², расположим их по оси:

- **слева – тяжёлые психические расстройства** (шизофрения, маниакально-депрессивный психоз и др.);
- **справа – «абсолютная норма»** (то есть, прямо-таки эталон психического здоровья, существование которого, впрочем, сами психиатры отрицают).

Что за состояния окажутся у нас посередине – на «границе», так сказать?

- Ближе к левому полюсу оси будут находиться состояния, которые получили в психиатрии название «психопатия», «циклотимия» и «акцентуации характера» (для простоты я буду округлять их до понятия «психопатия»).
- Ближе к правому полюсу оси будут находиться психические нарушения, свойственные «нормальным людям», которые переживают нечто вроде «нервного срыва» (стресс может быть как очевидным, так и скрытым), вылившегося в невротическое расстройство, или проще говоря – в «невроз».

Рис. № 1. Схема континуума психических состояний

Должен сказать, что неспециалист, скорее всего, даже не заметит разницы между пограничными расстройствами, находящимися справа и слева от центра этой нашей воображаемой оси психических состояний.

² Оговорюсь, что наша схема не будет учитывать психические расстройства, связанные с неврологической патологией, то есть с поражением мозговой ткани (дистрофия коры головного мозга, болезнь Альцгеймера, эпилепсия, олигофрения и т. д.). Для этого нам бы потребовалась дополнительная ось, а сейчас нас это только запутает.

Когда такие пациенты оказываются на приёме, они, как правило, предъявляют весьма схожие жалобы: сниженное настроение, раздражительность, страхи, тревога, апатия и т. д.

Но природа этих расстройств – невротических и психопатических – разная.

- **Те пограничные расстройства, что примыкают к левой части оси, имеют «эндогенную природу», то есть биологическую.** Вообще, все тяжёлые психические расстройства (за исключением тех, что обусловлены органическим поражением нервной ткани) – это заболевания, обусловленные наследственностью³.

- **Те же, что примыкают к правой части оси, называются «функциональными»,** то есть предполагается, что человек, в целом, нормален, просто у него под воздействием обстоятельств что-то сбилось в настройках (нарушена психическая «функция», а не организация системы).

Рис. № 2. Схема эндогенных и функциональных психических расстройств

При этом человек, страдающий невротическим расстройством, всегда тяготится своим психическим состоянием и хочет вылечиться, а вот человек с диагнозом психопатии может считать, что с ним «всё нормально» (хотя на нашей оси, как вы можете видеть, он располагается ближе к полюсу тяжёлой патологии).

Как и больные психозом (например, классической шизофренией), лица с психопатией зачастую не замечают своей болезни и не считают, что с ними что-то не так. Да, психопатическое расстройство делает поведение человека неадекватным, но «неадекватно» – это для других, самого-то пациента всё может устраивать.

Сложности на этом не заканчиваются. Дело в том, что медикаментозное лечение «пограничных расстройств» не слишком эффективно⁴. Остаётся уповать на психотерапию. Но каковы её возможности?

³ Иногда эта генетическая обусловленность приводит к настоящему безумию, а иногда – просто к странному и/или болезненному поведению.

⁴ Справедливости ради надо отметить, что и в случае тяжёлых психических расстройств мы лечим не саму патологию, а лишь купируем симптомы – бред, галлюцинации, тяжёлую депрессию и т. д. Нейролептики и другие препараты позволяют вывести человека из острого психоза, но сам он при этом навсегда остаётся шизофреником.

Психотерапевты принципиально по-разному выстраивают тактику лечения, если речь идёт о психопатии и если нужно избавить человека от невроза.

- **Невроз**, который является лишь нарушением функции в нормальном мозге, можно вылечить полностью (например, реактивную депрессию, возникшую после гибели близкого человека, или нервную анорексию и панические атаки).

- **Психопатию** же, поскольку она имеет генетическую природу, полностью вылечить нельзя. Всё, что психотерапевт может в данном случае сделать – это научить человека с такими «особенностями характера и поведения» приспосабливаться к жизни, где другим людям подобные «страннысти» не свойственны⁵.

Мы бы и рады вылечить психопатию (как и вообще весь спектр психических расстройств), но против природы нет приёма – человек таким буквально создан. В мозгу пациента, страдающего психопатией, как мы предполагаем, есть специфические особенности, которые не позволяют ему быть «нормальным».

С другой стороны, эти люди, в каком-то смысле, «нормальные» – у них нет ни галлюцинаций, ни бреда, а часто и жалоб нет на своё психическое состояние. Наконец, они даже могут быть неплохо социализированы, добиваться выдающихся результатов в карьере.

Просто они не такие как те, кто соответствующим расстройством не страдает.

Кто-то слишком демонстративен и эксцентричен, кто-то агрессивен и регулярно совершает асоциальные поступки, кто-то апатичен сверх всякой меры, кто-то деятелен до умопомрачения, кто-то зануден до невозможности, кто-то замкнутый и абсолютно чужающийся контакта с другими людьми.

Всё это они делают не специально: они просто не могут по-другому. Скажи им, что они ведут себя «неправильно», и они ответят, что это мы ведём себя «неправильно». Всё, конец дискуссии.

Частенько лицам с психопатией то, что они порой творят, поражая наше законопослушное и общественно-ориентированное воображение, даже нравится. Да, окружающие недовольны, жалуются на них, реагируют «неадекватно». Ну и что? Нет у окружающих таких особенностей строения мозга, сами и виноваты.

Итак, что мы – психиатры и психотерапевты – обо всём этом думаем?..

Если совсем просто, то думаем мы так: **есть сумасшедшие, есть обычные люди, у которых время от времени случаются нервные срывы, а есть особенные люди – как бы от природы по-другому сделанные**⁶.

И вот именно они производят то самое – странное – ощущение «лёгкого безумия» (иногда, впрочем, само ощущение бывает и не такое уж лёгкое).

⁵ Сделаю ещё одну оговорку: функциональные расстройства могут возникнуть и у людей, страдающих психопатией. В этом случае соответствующий невроз у них вылечить можно, а психопатия как у них была, так и останется.

⁶ У психопатов тоже регулярно случаются нервные срывы, но до состояния психоза (то есть, действительного умственного помешательства) они не доходят.

Формально с ними, вроде как, всё в порядке, да и они вполне сами себя устраивают. Часто мир их не устраивает... Но кому, положив руку на сердце, он нравится? Впрочем, не будем торопиться с выводами.

Что может означать это загадочное, эндогенное недовольство миром?

С эволюционной точки зрения здесь явно что-то не так: мир, вроде бы, следует рассматривать как набор возможностей, к которым следует приспосабливаться, а не объявлять его вражеским и никчёмным.

Но давайте ещё раз присмотримся к нашей оси континуума психических состояний. На кого вы сделаете ставку, будь вы той самой эволюцией? На тех, кто находится в правой части спектра или в левой?

Очевидно, что шизофреник, находящийся в психозе, явно не приспособлен к жизни, и естественный отбор должен его выбраковать: никуда не годится, если человек полностью теряет контакт с реальностью и начинает видеть то, чего нет в принципе. Такие баги – это, конечно, полная катастрофа.

С другой стороны, эволюция невозможна без изменчивости – нужно экспериментировать, чтобы не оказаться за бортом в межвидовой борьбе и суметь быстро адаптироваться в случае существенных изменений среды. Поэтому «абсолютно здоровые» типы – это, по меркам эволюции, тоже, как ни странно, рискованная ставка.

А вот все эти странные субъекты в пограничной зоне – это, пусть и не «идеальные граждане», но создают, согласитесь, необходимую вариативность. Что-то из этого может в какой-то момент эволюции и пригодиться...

Впрочем, пока они будут «пригождаться», сами по себе эти товарищи-граждане, вполне возможно, пойдут в расход. Но подобные жертвы эволюции никогда не смущали. Она не привыкла мелочиться и смело экспериментирует, а там уж дальше – как кому повезёт.

Значит ли это, что все гении (чрезвычайно одарённые люди), толкающие развитие общества вперёд, психопаты? Значит ли это, что у эволюции есть хитрый план, как вывести нас на новый интеллектуальный уровень?

Нет, и не об этом речь. Речь о том, что **в нашем геноме есть вариативность, которая работает на всех уровнях, включая и организацию нашей психики.** Необязательно быть «клиническим психопатом», чтобы иметь мозг с широким спектром тех самых психических странностей.

Да, эти странности могут стать причиной болезни (каковой мы считаем, например, психопатию, циклотимию, акцентуации характера и т. д.). Но они же, судя по всему, могут дать человеку и какое-то особое видение реальности, не доступное другим людям.

ПАССИОНАРНЫЙ СДВИГ

«Поручик артиллерии Наполеон Бонапарт в молодости был беден и мечтал о карьере. Это банально, и потому понятно», – пишет Лев Николаевич Гумилёв, начиная рассказ об одном из своих любимых пассионариев.

Так естественно приписывать выдающейся личности какие-нибудь «понятные трудности», которые «толкнули» её на великие свершения.

Но сколько было их – таких бедных поручиков артиллерии – в конце XVIII века? А скольким из них удалось создать империю, покорить Европу и взять Москву? Что-то тут не вяжется, правда?

Понятие «пассионарность», как и «гениальность», абсолютно ненаучное. Нет ни критериев этой загадочной «энергии», ни способов определения её

интенсивности... Да и самой «энергии» этой, понятное дело, тоже нет. Перед нами лишь красивая выдумка.

Однако при полном отсутствии каких-либо разумных доказательств (это в наш-то просвещённый, казалось бы, век!), теория Льва Николаевича Гумилёва с лёгкостью овладевает умами весьма неглупых людей. Что в ней есть такого, что, всё-таки, заставляет к ней прислушаться?

Если попытаться изложить «теорию пассионарности» максимально ёмко и кратко, то выглядеть она будет примерно следующим образом.

- Любой этнос переживает разные стадии в своём развитии, а его двигателем является энергия пассионарности.
- Откуда берётся эта «энергия» – не так важно (сам Гумилёв предлагал несколько вариантов, включая воздействие «космического излучения», «энергию солнечной активности», «геобиохимическую энергию живого вещества» и т. д.).
- Эта загадочная сила проявляется рождением на свет большого числа чрезвычайно энергичных персонажей – тех самых пассионариев.
- Пассионарии отличаются невероятной жизненной энергией и желанием перестроить весь мир. Они способны к сверхусилиям и распространять эту свою энергию на окружающих.
- Если сила такого «пассионарного толчка» достигает некой определённой критической величины, то пассионарии совершают нечто, что потом становится очередной вехой в истории всего человечества.

Лев Николаевич насчитывает массу таких «пассионарных толчков»: Древний Египет, Древний Китай, Древний Рим, персы, христианство, франки, саксы, монголы, турки и т. д., и т. п. В общем, вся история человечества – это, глядя его глазами, всплески пассионарности в тех или иных этносах.

В отличие от Льва Гумилёва, я не историк, а психиатр. Про космическое излучение и его влияние на социальные процессы тоже ничего сказать не могу. Но как психиатр хотел бы обратить ваше внимание вот на что...

Трогательное начало гумилёвской истории про Наполеона я уже привёл, а вот мой любимый фрагмент из этой же книги Льва Николаевича – «Этногенез и биосфера земли» – и тоже начало истории:

«Александр Македонский имел по праву рождения всё, что нужно человеку: пищу, дом, развлечения и даже беседы с Аристотелем. И тем не менее он бросился на Беотию, Иллирию и Фракию только потому, что те не хотели помогать ему в войне с Персией, в то время как он якобы желал отомстить за разрушения, нанесённые персами во время греко-персидских войн, о которых успели забыть сами греки. А потом, после победы над персами, он напал на Среднюю Азию и Индию, причём бессмысленность последней войны возмутила самих македонян».

Согласно «пирамиде Маслоу», Александр Македонский обязан был быть счастливейшим и даже святым человеком – все, даже самые «высшие» потребности удовлетворены: «пища, дом, развлечения и даже беседы с Аристотелем» (этот занудный старик и правда работал воспитателем юного Александра).

Поэтому ключевая в этом абзаце формулировка – «и тем не менее». Мальчик воспитывается в замечательных (по тем временам) условиях, может, как говорится, гонять балду и в ус не дуть. Но «тем не менее»...

Ведёт себя молодой человек, с точки зрения «нормального человека», как-то неадекватно – как какой-то психопат. Он буквально на ровном месте обрекает себя (не говоря уже об огромном воинстве) на смерть, которая благополучно настигнет его на тридцать третьем году жизни.

Трудно не согласиться с Гумилёвым, поведение Александра – нечто, что идёт против всякой логики и здравого смысла. Какая-то отчаянная глупость, по правде говоря, так распорядиться царскими возможностями!

Но не станем задаваться бессмысленным вопросом – чего ради и не дурак ли он? А спросим себя: какая особенность организации психики Александра могла привести его к столь иррациональному, абсурдному, саморазрушающему поведению?

Что это за «шило» у него было в одном месте, прошу прощения?..

Если бы мы, будучи инопланетянами, ничего не знаящими про культуру, традиции и нравы людей, оказались свидетелями подобного поведения человекообразной обезьяны, то мы бы, я полагаю, решили, что перед нами человеческая особь, которая просто не хочет жить. Зачем ещё она с такой отвагой ищет своей гибели?

Теперь давайте переведём это с инопланетного на русский: у данного персонажа какие-то проблемы с инстинктом самосохранения.

Впрочем, Гумилёв в некоторых местах прямо так об этом и говорит (хотя словно бы и невзначай), что пассионарность – это «поведенческий импульс, направленный против инстинкта самосохранения».

А теперь представьте себе на секунду, что дело не в «солнечной энергии» и «космических лучах», а просто в наших генах....

Допустим, что в некоей стране начинается «Перестройка». Начинается она просто потому, что уже не могла не начаться – по экономическим, социальным, идеологическим и геополитическим причинам (без всякой, так сказать, пассионарности).

Эти изменения приводят к тому, что структура общества нарушается: буквально по Ленину Владимиру Ильичу – «верхи не могут, низы не хотят».

Государственные институты пробуксовывают и впадают в ступор, а те бойкие граждане, которые раньше принуждены были сдерживать свои «нестандартные» наклонности, получают полную свободу действия.

Как в условиях подобной неопределённости поведут себя психологические типы, склонные к нарушению общественных норм (то есть, **имеющие отклонения в рамках социального или, как его ещё называют, иерархического инстинкта**)?

А как поведут себя те, кто не боится вступать в любую авантюру и раз за разом подставляется под пули на всех этих бесконечных «стрелках», «разборках» и прочих «тёрках»? Проще говоря, **как поведут себя те, у кого слабо выражен индивидуальный инстинкт самосохранения**?

Наконец, как распорядятся подобными возможностями персонажи, которые получают огромное удовольствие от демонстративного поведения – цепи на шеях, малиновые пиджаки и огромные телефоны в руках (**это уже по части особенностей структуры полового инстинкта**)?

Думаю, вполне естественно, что они станут авангардом нового общества, которое, в массе своей, состоит из робкого и послушного большинства – тех самых «нормальных» людей, которые всегда склонны адаптироваться к внешним факторам, а не менять жизнь под себя.

Публике ничего другого не остаётся, как лишь заворожённо и с ужасом смотреть на всё это творящееся вокруг «лёгкое безумие»... Но весь этот дивный шабаш продолжается лишь до того момента, пока указанный авангард не поперестреляет друг друга на тех самых «стрелках», не сопьётся и не сколется в ночных клубах.

Впрочем, не всех ждёт эта участь. Самые умные и хитрые из этих пассионариев «без страха и упрёка» захватят валяющуюся на дороге власть, выиграют залоговые аукционы, поделят собственность и опять начнут «закручивать гайки» общественного порядка.

Восстановленная система общественного контроля и соответствующие государственные институты, попридавят оставшихся в живых (и только нарождающихся) «лёгких безумцев».

Вся эта публика, склонная по своей природе действовать вопреки инстинкту самосохранения, будет вынуждена или умереть, или тихо дожидаться своего следующего часа. Вот такой психоанализ «пассионарного толчка». И никакого вам «космического излучения»...

Специальный мозг

*Ошибка ткача, дрожание его рук делают рисунок неповторимым,
что и соответствует бренности мира.*

ЭРНСТ ЮНГЕР

Психиатры и психотерапевты наблюдают за своими пациентами не только в разных фазах болезни, но и в разных обстоятельствах, а также в предболезненном статусе. И, в связи с этим, мы думаем ещё кое-что...

Не зря я использовал понятие «континуума», когда завёл речь о психических состояниях. Казалось бы, оно не слишком уместно в книге, претендующей на то, чтобы быть интересной массовому читателю. Но слово это тут важное и другим не заменить.

Континуум – это непрерывное множество, то есть некое бесконечное число переходных форм.

Мы же привыкли думать (так уж наши мозги устроены), что бывает «так или эдак», «то или другое»: мы мыслим противоположностями, и нам очень важно одно другому противопоставлять. Но, на самом деле, всё в этом мире, мягко говоря, несколько сложнее.

Великий философ Дэвид Юм предлагает нам представить такую ситуацию: вы берёте некий цвет (например, фиолетовый) и растягиваете его на большом листе бумаги от самого слабого тона (почти белого) до максимально насыщенного – тёмно-фиолетового.

В результате перед вами сплошное полотно с цветом, переходящим от минимальной интенсивности к максимальной. И, глядя на этот лист, вы не можете сказать, где один тон переходит в другой, да и вообще – какой цвет у этого листа. Этот цвет как бы непрерывно льётся, и любая точка на нём – просто точка.

Но стоит вам вырезать половину этого листа из середины, а затем составить два образовавшихся края вместе, как вы тут же увидите чёткую границу: тут – светлый тон, а тут – тёмный.

То есть, лишь убрав фрагмент, вы можете зафиксировать отличие и что-то определить. Но если вы его не вырезаете (не можете вырезать или не знаете, где резать), если смотрите на весь континуум сразу, то вы, по сути, слепы, то есть не видите ничего.

Наше сознание, чтобы избежать подобной слепоты, постоянно всё нарезает на кусочки, пытаясь обнаружить какие-то конкретные феномены. Но это лишь его хитрости и причуды, а в реальности дела обстоят иначе: истинные признаки, составляющие суть соответствующего континуума, прячутся от нас.

Каждая форма (проявление, событие) является по существу переходным состоянием – вот что мы должны понять, если хотим хоть в чём-то разобраться.

И мы не знаем, от чего к чему, на самом деле, идёт этот переход.

Если мы чуть смущаемся – что-то вырежем, где-то залатаем, – то картинка может показаться нам стройной. Стройной, понятной, даже красивой. Но она будет необъективной. **Реальный признак, определяющий суть того или иного континуума таким образом, наугад не выявить.**

ТАЙНА ЭВОЛЮЦИИ

Вы, наверное, не раз слышали о том, что проблема эволюционной теории в том, что невозможно обнаружить переходные формы.

Мы, мол, всегда имеем дело с какими-то конкретными видами, а переходные формы между ними отсутствуют: следовательно, эволюционная теория неверна, не полна, ложна и тому подобные глупости.

Это фундаментальная методологическая ошибка, свидетельствующая об абсолютном непонимании самой сути феномена эволюции.

В действительности, каждый биологический вид, который, как нам кажется, мы можем обнаружить в природе, сам по себе является переходной формой и, в свою очередь, состоит из огромного множества переходных форм. А то, что мы определили биологические виды именно так, как мы это сделали, обусловлено лишь удобством.

Представьте, что наши «органы зрения» были бы устроены по-другому, и мы бы видели не визуальные образы, а последовательности нуклеотидов в ДНК живых организмов. Будь у нас такие «глаза», биологический мир стал бы выглядеть для нас совсем иначе (и, наверное, в каком-то смысле, куда как более объективно).

Если верить генетикам, которые занимаются секвенированием ДНК для определения степени родства различных видов животных, то мы обнаруживаем себя в группе, к которой относятся мокроносовые приматы, шерстокрыл, тупайя, пищуха, кролик, дикобраз, крыса и мышь.

Ну, как вам такая генетическая компания?.. Неожиданно, правда? Честно говоря, я был даже не в курсе, что тупайя – это зверь (по звучанию больше похоже на какой-то фрукт). И остаётся только догадываться, почему слон, ленивец и муравьед с броненосцем – от нас, напротив, предельно далеки (впрочем, родственны между собой).

Внешние признаки – это важно только для нашего глаза, который сам по себе является лишь эволюционным приспособлением. На самом деле, всё куда сложнее и причудливее.

Если вы возьмёте представителей разных человеческих рас и сравните их геном, то окажется, что различия генов внутри одной расы куда более существенны, чем между разными расами как таковыми. Хотя именно расовые различия бросаются нам в глаза в первую очередь.

Итак, континуум состояний – это множество различных единичных форм, у которых один и тот же признак имеет разную выраженность.

Но замечаем мы всегда некие крайние типы – например, концевые точки на нашей оси психического континуума («нормальных» и «больных»), или бледно-фиолетовый и ярко-фиолетовый, как в опыте Юма.

В средней же зоне выраженность соответствующего признака для нас неочевидна.

Тут как бы всё сливается, но это не значит, что сам признак отсутствует. Он есть, просто нам трудно его определить.

В случае тяжёлого психического заболевания – всё понятно. Сошёл с ума человек – что поделаешь? А остальные – и нормальные, и не совсем нормальные, и с «лёгким безумием» – это какая-то каша-малаша, которую мы обозначаем как бы от противного: «разные, но не сумасшедшие».

В результате мы теряем массу информации о самих себе – слишком уж это неточное, мягко говоря, определение...

Благодаря усилиям психиатров мы знаем несколько специфических типов «психопатов». Судя по всему, эти типы обусловлены биологическими причинами (эндогенны), а потому какие-то их черты у нас тоже есть (или могут быть), пусть и не в патологической форме.

Если некий признак (особенность психики) не развивается в нас настолько, чтобы психиатр мог влупить нам соответствующий диагноз, это ещё не значит, что мы «абсолютно здоровы»⁷.

Дело в том, что мы несём в себе огромный объём генетической информации.

У каждого из нас в предках были и безумцы, и психопаты, и маньяки, и чёрт знает кто ещё. Да, если нам повезло, эти гены в нас дремлют (это – прекрасно). Но это ещё не значит, что мы совсем не подвержены их влиянию.

Кто-то от природы более впечатлителен, раним и реагирует на всё подряд, кто-то – меньше поддаётся влиянию раздражающих факторов.

Кто-то обладает удивительным воображением и постоянно витает в каких-то фантазиях, а кто-то любит, чтобы всё было ясно, конкретно и «сколько вешать в граммах».

Кто-то испытывает огромную потребность в общении и социальной деятельности, а кому-то всё это скучно и неинтересно – мол, зачем зря время на ерунду тратить?

Кто-то страдает избыточным, до навязчивости, педантизмом и перфекционизмом, а кому-то на это совершенно наплевать: тяп-ляп – и прекрасно!

То, что все люди разные, нам кажется абсолютно естественным. Но если мы говорим о «норме», то она должна быть одна на всех, и мы все должны быть одинаковы, за исключением, может быть, «ненормальных». Этого, мягко говоря, не наблюдается.

Мы привыкли к разнообразию человеческого поведения и совершенно не замечаем, что никакого «эталона» на самом деле не существует, а любая «норма» – лишь фикция.

Если нас спросить – каким нормальный человек должен быть? Опиши, мол, главные качества. Мы тут же, не задумываясь, ответим. Но если нас спросить, знаем ли мы таких – «нормальных»? Мы, с тем же успехом, растеряемся.

Нас совершенно не удивляет, что среди наших знакомых есть «домоседы», «затворники» и «социофобы», а есть и те, кого все считают «душой компании» – «короли вечеринок», что вечно «зажигают» и «жгут».

Но почему же это не кажется нам странным – мы же к одному виду принадлежим, в одной культуре воспитаны!

Мы не замечаем невероятного разнообразия человеческого поведения, потому что никакой универсальности в нём нет.

Человеческие особи представляют собой бескрайний континуум переходных форм: от эксцентриков и эксгибиционистов до интровертов и меланхоликов, от агрессивных придурков и пассивно-агрессивных типов до «божьих одуванчиков» и «радости полные штаны».

Разнообразие – вот что кажется нам совершенно естественным!

Мы привыкли к тому, что есть «работяги» и «трудоголики», а есть «лентяи», «лобо-трясы» и «халявшики». Есть среди нас те, кто «любит порассуждать», а есть и те, кто «сначала сделает, потом подумает».

У нас есть знакомые, которых иначе как «человек-катастрофа» не назовёшь: всегда с ними что-то случается, постоянно они попадают в какие-то передраги, опаздывают, подводят... И ведь всё это на голубом глазу – как будто ничего и не случилось, в порядке вещей!

Впрочем, кого-то из своих друзей мы напротив считаем «сверхчеловеком» – «спасителем», «спасателем», «опорой и надёжей». За ним, «как за каменной стеной» – «друг в беде не бросит, лишнего не спросит» и далее по тексту.

В общем, есть среди нас и те, что безотказны, ответственные, всегда готовы понять, поддержать, выручить и т. д. Причём делают это не потому что «надо», а потому что «по-другому не могут». Побольше бы таких, правда? Но вот нет – все разные...

⁷ Недаром я упомянул, что психиатры отрицают, что такие люди – абсолютно психически здоровые – вообще существуют.

СЕКСУАЛЬНЫЙ СТАКАН

Даже по части отношения к сексу, и то – полный разброд и шатания.

Кому-то «эта тема не интересна», а кому-то «только этого и надо», «только о нём и думают» – «бабники», «нимфоманки», «развратники», «вечно озабоченные», «сексуальные маньяки» (образно, так сказать, выражаясь). Революционерша Александра Коллонтай гордо заявляла с рабоче-крестьянской трибуны, что заняться сексом – это «всё равно, что выпить стакан воды» (на этот счёт даже возникла целая сексологическая теория). Мол, вся эта сексуальная мораль – это пережитки царизма и буржуазной эксплуатации.

На что вождь мировой революции Владимир Ильич Ленин укоризненно отвечал «товарищу по партии Коллонтай»: «Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или даже из стакана, края которого захватаны десятком губ?»

В общем, не любил Ильич «сексуальной свободы». – Как в старом анекдоте: «Крупской сказал, что пошёл к Арманд. Арманд сказал, что к Крупской. А сам – на чердак: работать, работать и работать!»

Кто-то скажет, что это в «вожде мирового пролетариата» пережитки царизма говорили. Вполне возможно. Но сексуальный темперамент – это сексуальный темперамент, и он у каждого свой.

Безусловно, социально-культурные факторы имеют здесь огромное значение, но и биологию этого темперамента не изжить, даже если она окажется под самым страшным спудом «буржуазной эксплуатации».

Неужели вы думаете, что только «научные исследования сновидений» заставили Зигмунда Фрейда выстроить всю свою психоаналитическую концепцию человеческой психики на одном-единственном понятии «либидо»?

Исследователи жизни и творчества этого великого фантаста нашего бессознательного подсчитали, что сексуальной жизнью (по крайней мере, с кем-то) сам Фрейд жил всего лишь десять лет.

То есть, «спуд» на него явно действовал, но соответствующий «темперамент» очевидно прорывался другим образом: недостаток практических занятий сексом с лихвой компенсировались в его жизни всемирной проповедью «Либидо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.